

ПРЕДЫСТОРИЯ ОБЪЕДИНЁННОГО ДВОРЯНСТВА: «БЕСЕДЫ» ГУБЕРНСКИХ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ В КОНЦЕ 1904 — НАЧАЛЕ 1906 ГГ.

Для понимания революции 1905 г. большое значение имеет изучение политической позиции дворянства, традиционно считавшемся опорой трону, его взаимоотношений с властью и оппозицией. Между тем, в историографии немного работ, освещающих позицию дворянства в революции 1905 г. Единственная попытка изучить вопрос была предпринята в монографии Ю. Б. Соловьёва «Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг.», изданной ещё в 1981 г. Автор фактически разделил «первенствующее сословие» на либеральное (земская оппозиция) и реакционное, которое в 1905 г. только формировало свои политические организации. Другие взгляды в дворянской среде не привлекли внимания Ю. Б. Соловьёва, он стремился свести их к двум выделенным направлениям. Поэтому историк, два раза кратко упомянув о встречах губернских предводителей дворянства (в середине марта и 12–16 июня 1905 г.), так и не пришёл к какому-либо определённому выводу относительно их политической позиции. Если мартовскую встречу 22 дворянских лидеров он расценил как начало формирования «дворянской правой» (С.162), то адрес царю, принятый на «совещании» 12–16 июня, оказался «во многом схож с недавним обращением общественных деятелей» (С.168)¹. Из зарубежных исследователей на «беседы» предводителей обратила внимание Роберта Мэннинг². Ссылаясь на ранние работы Ю. Б. Соловьёва³, а также на собственные

¹ Работы Ю. Б. Соловьёва использовал в своей книге о русском дворянстве Сеймур Беккер (русский перевод: Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии послед. периода император. России. М., 2004. С.245–246, 262). Он лишь упомянул о факте встреч губернских предводителей дворянства, не сообщив о них ничего нового.

² Manning R. Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government. Princeton, 1982.

³ Прежде всего, на его статью «Правительство и политика укрепления классовых позиций дворянства в конце XIX века», опубликованную в сборнике статей «Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX в.)» (Л., 1967. С.239–280), где

изыскания в Российском государственном историческом архиве, она охарактеризовала «встречи» как попытку предводителей противостоять либеральному крылу дворянства, активно участвовавшему в земских съездах. Р. Мэннинг ограничилась кратким изложением позиции губернских предводителей, не ссылаясь на журналы их «бесед»⁴. Последним, кто упомянул о мартовской 1905 г. встрече дворянских лидеров и записке, ими одобренной, стал К. А. Соловьёв. Охарактеризовав их взгляды как неославянофильские, он отметил «заметную поддержку» позиции предводителей на местах⁵. Историки, как правило, начинают исследования объединённого дворянства с его учредительного съезда, состоявшегося в мае 1906 г.⁶ Лишь в трехтомной публикации материалов съездов объединённого дворянства содержится краткая информация о «встречах» губернских предводителей в 1905 г.⁷ Однако изменения политической ориентации «первого сословия», предшествовавшие появлению общедворянской организации, представляют, по моему мнению, не меньший интерес.

Дворянство получило сословные привилегии, в том числе и право самоуправления, по жалованной грамоте, данной первенствующему сословию Екатериной II в 1763 г. Самоорганизация сословия останавливалась на губернском уровне, общеимперского не существовало до конца XIX в.

Первая встреча⁸ губернских предводителей состоялась, по-видимому, в Петербурге в 1896 г. под предводительством графа А. А. Бобринского, она была создана по инициативе министра внутренних дел И. Л. Горемыкина⁹. Её главной темой стало состояние образования как

Ю. Б. Соловьёв впервые упомянул о деятельности первого съезда губернских предводителей дворянства 1896 г.

⁴ Manning R. Op. cit. P.74–76, 93–94, 111–112.

⁵ Соловьёв К. А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности 1899–1905. М., 2009. С.280–282.

⁶ Например, Ключкова Л. М. Съезды объединённого дворянства в годы Первой русской революции // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2001. № 4. С.63–81.

⁷ Объединённое дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ 1906–1916 гг. Т.1. М., 2001. С.6–9.

⁸ Назывались они по-разному: совещания, встречи, беседы. Это, вероятно, отражает неопределённый и — что важно — неофициальный их статус.

⁹ Журнал заседания бюро съезда губернского и уездных предводителей дворянства 4-го января 1906 года // См. настоящее издание. С.

общего, так и дворянского, но не только. Это однозначно следует из сохранившихся документов¹⁰. Записи выступлений не велись, однако их содержание отразила докладная записка, составленная для И. Л. Горемыкина. Согласно ей, петербургский предводитель А. А. Бобринский ссылался на то, что сам Николай II «разрешил нам свободное и самое широкое обсуждение польз и нужд» своих местностей и даже обсуждение вопросов, «которые соприкасаются с первой частью 1-го тома Свода законов»¹¹. Во всяком случае, возражавший А. А. Бобринскому киевский предводитель князь Н. В. Репнин говорил об отсутствии в России истинного самодержавия и что империей в действительности правит бюрократия. Князь поставил вопрос ребром: необходимо восстановление подлинно самодержавной власти, для этого следует ограничить возможности бюрократии и расширить выборное начало, дав избранным представителям право участия в законодательных (!) учреждениях. Разумеется, в записке политические моменты оказались заострены, но не вызывает сомнения, что обмен мнениями носил широкий характер, выходил за рамки заявленной темы. То есть, официальные документы не полностью отражали ход разворачивавшихся между предводителями споров, вероятно, так было и в дальнейшем. Также, надо думать, что выступление Бобринского не было случайностью — он пытался закрепить за собравшимися право обсуждать любые вопросы. Показательно, что среди предводителей сразу произошёл раскол. Двое (М. А. Веневитинов, воронежский предводитель, и Н. А. Хомяков, директор Департамента земледелия, бывший смоленский предводитель) с Репниным согласились, остальные возражали. Особенно резко — Б. А. Васильчиков и П. Н. Трубецкой, московский губернский предводитель¹².

Столь определённо оппозиционные самодержавию речи, да ещё и из уст предводителей дворянства, вызывают некоторое удивление. Возможно, что их тон был преувеличен в доносе — именно так следует

¹⁰ Соображения, высказанные совещанием губернских предводителей 1896 г. о нуждах дворянского землевладения по вопросам: 1) о распространении и удешевлении образования как общего, так и сельскохозяйственного и 2) об облегчении возможности дать образование детям дворян // РГИА. Ф.1283. Оп.1 — Особое совещание 1897 г. Д.140.

¹¹ Записка о слухах по поводу съезда губернских предводителей дворянства, проходившего в Санкт-Петербурге по инициативе Министерства внутренних дел [1896 г.] // РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.200. Л.1.

¹² Там же. Л.2–2 об.

называть «записку» для И. Л. Горемыкина. Позднее, на одной из встреч Б. А. Васильчиков обратился к собравшимся: «Вспомните, господа, что тому четыре года в наших рядах явно чувствовалась тревога, испытываемая представителями сословия за дальнейшую судьбу дворянства, и под влиянием этого настроения преобладающей нотой в наших беседах было стремление добиться таких мероприятий, которые упрочили бы в будущем существование поместного дворянства»¹³. Б. А. Васильчиков также говорил, что раз дворянство почувствовало почву под ногами, надо сформулировать, какую же роль оно играет в России¹⁴. Этот фрагмент речи любопытен тем, что в восприятии князя встречи предводителей не оказываются обусловлены Особым совещанием о нуждах поместного дворянства, деятельность которого началась лишь в 1897 г. Похоже, здесь мы имеем дело с беспокойством первенствующего сословия за общее направление государственной политики и некоторой неуверенностью власти. Поэтому и негативные оценки деятельности самодержавия вполне могли прозвучать.

Одновременно с активностью губернских предводителей инициативу также проявили менее чиновные, зато более знатные дворяне. Во время коронации Николая II в Москве П. С. Шереметев имел разговор с видным земцем Ф. А. Головиным (это произошло в день отъезда молодого царя из первопрестольной, т.е., по-видимому, 26 мая) «о необходимости сплочения оппозиционных общественных элементов, о борьбе земского начала с бюрократическим, о ничтожности личности государя», пригласив будущего председателя Думы в члены «тайного общества» «Беседа»¹⁵. Здесь рано усматривать либерализм, да и люди, стоявшие у истоков кружка, лишь через несколько лет разошлись по непримиримым политическим лагерям. Но важна активность деятелей первенствующего сословия, дошедшая в конце XIX в. до формирования прообразов будущих политических партий.

Используя печатные записи содержания бесед губернских предводителей, коллекция которых (по-видимому, самая полная) отложилась в бумагах московского губернского предводителя П. Н. Трубецкого, можно со значительной долей уверенности в полноте списка

¹³ Речь Б. А. Васильчикова на обеде 26 ноября 1899 г. в честь губернских предводителей дворянства // ЦИАМ. Ф.380. Оп.4. Д.440. Л.53–54; ОР РГБ. Ф.440. К.1. №23. Л.1.

¹⁴ ОР РГБ. Ф.440. К.1. №23. Л.1 об.

¹⁵ Головин Ф. А. Воспоминания о Николае II // Красный архив. 1926. №6 (19). С.114.

перечислить все встречи до 1906 г. включительно. Следующая после 1896 г. встреча состоялась в Москве 16–19 ноября 1898 г., её главными вопросами были опять воспитание и образование юношества, к ним добавились также циркуляр Министерства земледелия и государственных имуществ о сельскохозяйственных обществах и записка князя А. Д. Щербатова на эту же тему (затронувшая также проблемы разграничения крестьянской и помещичьей земли и желательные изменения в законах о наследовании)¹⁶. Один из участников этой встречи Ф. А. Головин, оставивший о ней воспоминания, утверждает: на съезде также обсуждались вопросы о местном самоуправлении, прозвучала речь Б. А. Васильчикова на тему «самодержавие и земство». Реформу государственного строя с трибуны прямо не поминали. Но автор (Ф. А. Головин) завёл такую беседу с Б. А. Васильчиковым и М. А. Стаховичем. Собеседники «говорили о сохранении самодержавия лишь постольку, поскольку это считалось в то время необходимым для успеха в высших правительственных сферах идеи об организации представительного учреждения». Ф. А. Головин ниже уточнил мысль: «Считалось, что самое даже неудачное представительное учреждение в непродолжительном времени вырастет в парламент»¹⁷. То есть, политическая реформа была едва ли не в центре внимания предводителей уже тогда, когда о революции в России ещё никто не думал. Следующая встреча была также в Москве 23–27 ноября 1899 г. где предводители говорили о широком спектре вопросов дворянской жизни (опекунство, поддержка дворянства и др.)¹⁸. Вопросу о наследовании были посвящены беседы, состоявшиеся 20–24 февраля 1901 г.¹⁹

Выдающуюся роль в организации «бесед» губернских предводителей играл князь Пётр Николаевич Трубецкой. Он — из знатной дворянской семьи, его брат — либерал, ректор Московского университета Сергей Николаевич Трубецкой — известен гораздо больше. Но и П. Н. Трубецкой — примечательная личность.

---

¹⁶ Материалы, связанные с совещанием губернских предводителей дворянства 16–19 ноября 1898 г. в Москве // ЦИАМ. Ф.380. Оп.3. Д.72, 73.

¹⁷ Воспоминания Ф. А. Головина о П. Н. Трубецком // РГИА. Ф.1625. Оп.1. Д.7. Л.11.

¹⁸ Памятная записка о встрече губернских предводителей дворянства 23–27 ноября 1899 г. в Москве // ЦИАМ. Ф.380. Оп.4. Д.440. Л.41–52.

¹⁹ Памятная записка о встрече губернских предводителей дворянства 20–24 февраля 1901 г. // ЦИАМ. Ф.380. Оп.4. Д.440. Л.55–68.

Предводителем московского губернского дворянства он служил немало лет, с 1892 г. О П. Н. Трубецком сохранились интересные воспоминания Ф. А. Головина, председателя московской губернской земской управы после Д. Н. Шипова, а в 1907 г. — председателя II Государственной думы. Ф. А. Головин в 1890-х гг. активно участвовал в дворянской деятельности, в частности, был секретарём на встрече предводителей дворянства в 1898 г.²⁰ Мемуарист уже тогда отнёс князя к «либеральным» предводителям, имея в виду его приверженность к некоторым политическим преобразованиям, ограничивавшим всевластие самодержавия²¹. Эти взгляды П. Н. Трубецкого сказались позднее, в 1905 г., и, забегая вперёд, надо признать, что он сыграл важную роль в том, что большинство губернских предводителей однозначно поддержало учреждение народного представительства. Сдержанный, тактичный, московский лидер не только по должности снискал уважение в дворянской среде. П. Н. Трубецкой «поправел» в конце 1905 г., после манифеста 17 октября. Тогда он поддержал мнение «дворянской правой» о необходимости отдельного представительства «первенствующего сословия» в Государственном совете. Позднее, во время II Думы, князь много потрудился над созданием там группы центра, продвигая идею сотрудничества её с аналогичной фракцией в Государственной думе, которую также требовалось оформить. Разумеется, безуспешно: расхождение двух палат в первой половине 1907 г. было слишком велико, преодолеть его не удалось и во время III Думы. Для характеристики же П. Н. Трубецкого важно отметить то, что во время своей дворянской службы он придерживался умеренных политических взглядов, что нашло яркое отражение на встречах губернских предводителей конца 1904 — начала 1906 гг.

Возвращаясь к началу дворянских «встреч», нельзя не отметить, что рамки Особого совещания о нуждах поместного дворянства, созданного в 1897 г., хотя и способствовали консолидации сословия в имперском масштабе, но сразу оказались слишком тесны для предводителей. М. А. Стахович резко заявил об этом на торжественном обеде губернских предводителей 24 февраля 1901 г.: Особое совещание,

---

²⁰ Воспоминания Ф. А. Головина о П. Н. Трубецком // РГИА. Ф.1625. Оп.1. Д.7. Л.6.

²¹ Там же. Л.8.

по его мнению, играло роль лафета на похоронах²². Но все политические дискуссии между дворянскими лидерами так и оставались достоянием узкого круга их участников. Ф. А. Головин, характеризуя эти встречи, вспоминал, что на них часто раздавалась критика правительства, особенно С. Ю. Витте. Но всё это не доводилось до сведения высшего руководства, то есть, сводилось к брызжанию в своём кругу²³.

Впрочем, власть иногда обращалась к предводителям с вопросами. Д. С. Сипягин получил памятную записку и резюме встречи восьми предводителей 5–9 марта 1902 г. под председательством П. Н. Трубецкого, которые собрались по инициативе министра²⁴. Главной темой обсуждения являлось намерение Министерства внутренних дел создать в структуре ведомства особый отдел по дворянским делам. Большинство собравшихся выступили против такого шага. Ими руководило знание бюрократической практики: предводители опасались, что начальник такого отдела будет предопределять решение многих дел своими взглядами. Д. С. Сипягин отнёсся к этим рассуждениям скептически: «Много слов, но мало чем можно воспользоваться»²⁵. Эти документы после гибели Д. С. Сипягина получил также В. К. Плеве, но отдел создан так и не был. Показательно, что 4–7 ноября того же 1902 г. 20 предводителей собрались вновь, чтобы обсудить ряд вопросов, в основном имущественных.

В. К. Плеве обеспокоило другое — сам факт предводительских «бесед». 31 октября 1902 г. министр внутренних дел обратился с вопросом о последней встрече к П. Н. Трубецкому. Сановник попытался обусловить факт каждой такой «беседы» высочайшим соизволением и ограничить их содержание обсуждением сословных, а не общегосударственных вопросов. Ответ П. Н. Трубецкого отражал, вероятно, не только его личное мнение, но и был согласован с коллегами, так как московский предводитель ознакомил их с письмом министра. Он оказался весьма жёстким по тону. П. Н. Трубецкой заявил, что Николай

---

²² Речь М. А. Стаховича на торжественном обеде 24 февраля 1901 г. губернских предводителей дворянства // ОР РГБ. Ф.440. №24. Л.4.

²³ Воспоминания Ф. А. Головина о П. Н. Трубецком // РГИА. Ф.1625. Оп.1. Д.7. Л.12.

²⁴ Резюме беседы губернских предводителей в 1902 г., 5–9 марта и памятная записка беседы 5–9 марта // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1904 г. Д.53. Л.41–42, 43–50. См. также: ЦИАМ. Ф.380. Оп.4. Д.440. Л.69–95.

²⁵ РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1904 г. Д.53. Л.41.

И без того осведомлён об их факте и содержании, например, через великого князя Сергея Александровича, приглашавшего к себе участников и интересовавшегося содержанием обсуждения. Испрашивать же высочайшее согласие — значить придавать встрече официальный характер, что предводители явно не предполагали делать. Наконец, предводители напомнили министру, что дворянство является руководителем местной жизни вообще, поэтому попытка «сузить» их дискуссии до сословных рамок неправомочна²⁶. В общем, министру внутренних дел показали его место: как было до него, так и будет, а ему не следует вмешиваться (Сергей Александрович знает!). Мало того, великий князь ещё и имел специальный разговор с В. К. Плеве на эту тему и объявил, что он также против придания официального характера встречам предводителей. Министру пришлось проглотить пилюлю и вполне согласиться с взглядом сиятельного собеседника²⁷. В октябре 1903 г., П. Н. Трубецкой, как ни в чём не бывало, сообщил министру о намечающейся очередной встрече предводителей и намерении обсудить на ней вопросы о наследовании, о дворянских школах и некоторые другие текущие вопросы, в том числе — о мелкой земской единице, явно выходящий из строго сословных рамок²⁸. Несмотря на это, В. К. Плеве не усмотрел препятствий для встречи, но не без ехидства просил сообщить ему, если обсуждение упомянутых вопросов даст какие-либо ценные результаты²⁹. Встреча состоялась 8 ноября 1903 г., участники её сосредоточились на вопросах дворянского землевладения.

Складывается впечатление, что напряжённые отношения предводителей с министром внутренних дел лишь усиливали их активность и до известной степени — недовольство администрацией. Нужен был толчок, чтобы эти процессы вырвались наружу, таким событием стало начало русско-японской войны. Сразу после её начала следующая встреча 36 предводителей произошла 13–16 февраля 1904 г. и была

---

²⁶ П. Н. Трубецкой — В. К. Плеве 4 декабря 1902 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I дело-производство. 1904 г. Д.3. Л.37–40.

²⁷ П. Н. Трубецкой — А. Д. Зиновьеву 3 января 1903 г. // ЦГИА СПб. Ф.536. Оп.21. Д.263. Л.15.

²⁸ П. Н. Трубецкой — В. К. Плеве 13 октября 1903 г. // ЦИАМ. Ф.380. Оп.3. Д.18. Л.7–8.

²⁹ В. К. Плеве — П. Н. Трубецкому 15 октября 1903 г. // ЦИАМ. Ф.380. Оп.3. Д.18. Л.82.

связана исключительно с оказанием помощи раненым в русско-японской войне³⁰. Согласно записям «бесед», открытая политизация их ещё не наступила.

1904 г. дал необычные моменты в практике встреч дворянских предводителей: они стали короткими и частыми. Следующая состоялась уже 16 марта 1904 г., но всего на один день. Затем — 4 апреля 1904 г. и опять за один день. Наконец, 11 октября 1904 г. (о дворянских пансионах)³¹; затем более продолжительная и представительная (с участием 46 предводителей) — 15–17 ноября 1904 г., где, несмотря на формальное отсутствие в записях политических моментов, они обсуждались, пропустив из сопровождавших эту встречу материалов.

К концу 1904 г. в среде губернских предводителей сформировалось убеждение в ненормальности существующего положения и тревога за будущее. Кроме того, политические вопросы им уже предлагали извне, в частности, в письме А. А. Киреева 13 ноября 1904 г. говорилось о необходимости борьбы с конституционализмом земцев³². Съезду предводителей адресовал одну из своих записок К. Ф. Головин. Собравшись в ноябре 1904 г., отчасти — в пику земскому съезду, некоторые губернские предводители (петербургский — граф В. В. Гудович, московский — князь П. Н. Трубецкой, донской — В. И. Денисов, псковский — В. В. Философов, воронежский — А. И. Алёхин) констатировали рост антагонизма между обществом и властью вследствие неудачных действий администрации: подавляя «самые скромные начинания земств, городов», власть только возбуждала понятное дворянским лидерам недовольство «во всех слоях общества». Принимая сторону недовольных, дворянские предводители призывали администрацию привлечь «выборных представителей сословий земских и городских обществ» к участию в разработке законопроектов. Другой мерой, призванной исправить положение, явилось требование установить контроль над действиями администрации³³. Следует отметить, что позиция

---

³⁰ Рукописная запись хода встреч 13–16 февраля 1904 г. // ЦИАМ. Ф.380. Оп.3. Д.19. Л.103–103 об., 106–115 об.

³¹ ЦИАМ. Ф.380. Оп.4. Д.440. Л.117–120 об. Это единственная встреча, запись которой представлена в виде рукописи. Возможно, что печатный вариант так и не был издан.

³² ЦИАМ. Ф.380. Оп.3. Д.21. Л.58–60. См. настоящее издание. С. ...

³³ [Записка по результатам бесед губернских предводителей дворянства]. Ноябрь 1904 г. // См. настоящее издание. С.

губернских предводителей дворянства была весьма близка земскому съезду по существу. Она отличалась осторожностью в предложениях и отсутствием резкой критики власти.

Однако записка, составленная по результатам ноябрьской встречи, знаменательна прежде всего тем, что показала быстро идущую политическую поляризацию дворянства в лице его предводителей: обращает на себя внимание несоразмерность предлагаемой меры (реформа законодательного процесса) с причинами, её обусловившими (претензии к администрации). Впрочем, это несоответствие могло быть вызвано тем, что записка (как и сама встреча) стали ответом на земский съезд, выступивший с более радикальной политической программой. Одновременно губернскими предводителями (вероятно, их частью) был подготовлен проект адреса Николаю II, в котором утверждалось, что только в самодержавии они видят залог преуспевания России, а к достижению правильного течения государственной жизни должен был привести манифест 26 февраля 1903 г. Показательно, что этот адрес, так и оставшийся в проекте, подписали всего 8 предводителей, среди них были будущие видные деятели дворянской правой А. А. Чемодуров, А. А. Голицын, С. Е. Бразоль, В. А. Драшусов, В. М. Урусов³⁴.

В определённой степени с позицией губернских предводителей контрастирует проект всеподданнейшего адреса петербургского дворянства, принятый в конце 1904 г. (после 12 декабря). В отличие от решений губернских предводителей этот документ не пошёл дальше призыва сплотить верноподданных на платформе осуществления манифеста 26 февраля 1903 г. (свобода совести в делах веры, свобода слова, пересмотр ограничений в правах иностранцев, развитие местного самоуправления)³⁵. Надо полагать, что в дворянской среде происходили жаркие дискуссии о происходящих политических событиях в империи.

Однако сам указ 12 декабря 1904 г. вызвал оживление в рядах дворянства, уже не только в лице его предводителей. Толчком же к действиям (потоку новых адресов царю) стали события 9 января 1905 г. Можно сказать, что ряд губернских дворянских обществ однозначно

---

³⁴ Проект адреса Николаю II, б/д // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.19.

³⁵ Проект всеподданнейшего адреса петербургского дворянства, б/д // Архив СПб ИИ РАН. Ф.121. Оп.1. Д.24. Л.13–14.

приветствовали указ³⁶, правда, опасаясь, что не все меры могут осуществиться из-за бюрократических порядков (псковское дворянство)³⁷. То же псковское и петербургское дворянства (и некоторые другие) пошли дальше, поставив вопрос о царском повелении, «дабы свободно избранные от земли русской достойнейшие люди могли возносить свой голос до высоты престола и участвовать, по указанию верховной власти, при разработке и обсуждении законопроектов и правительственных мероприятий»³⁸. Достигнуть устойчивости гражданской жизни и соответствия законодательных работ насущным потребностям страны с помощью тех же выборных надеялось ярославское дворянство³⁹. О необходимости привлечь к работе по реализации указа 12 декабря 1904 г. местных людей упомянуло уфимское дворянство⁴⁰. Имелись и более определённые формулировки. Большинство участников калужского губернского дворянского собрания решило «уповать на призыв Вашего величества к постоянному участию в государственной работе его выборных представителей»⁴¹. Казанское дворянство настаивало: «необходим созыв свободно выбранных представителей всех сословий, от которых, государь, ты услышал бы о насущных нуждах

³⁶ Например, адрес курского дворянства, переданный Николаем II в канцелярию 30 января 1905 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.34–35.

³⁷ Адрес псковского дворянства, переданный Николаем II в канцелярию 26 января 1905 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.54–55.

³⁸ Адрес петербургского дворянства, переданный Николаем II в канцелярию 30 января 1905 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.56–58.

³⁹ Адрес ярославского дворянства Николаю II 29 января 1905 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.15–17а.

⁴⁰ РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.63–64.

⁴¹ Всеподданнейший адрес калужского дворянского собрания 11 января 1905 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.1–2. В первоначальном варианте текста большинства (за него проголосовало 112, против — 55, предложившие альтернативный вариант), который составлял будущий кадет В.П. Обнинский, было добавлено — «свободно выбранных» (ОР РГБ. Ф.305. К.6. №7. Л.4). Надо помнить, что выборность «народных представителей» долгое время была камнем преткновения для самодержавия. Позиция К.П. Победоносцева, что можно совещаться с кем угодно, но ни в коем случае не допускать избрания «экспертов», стала чуть ли не аксиомой двух последних царствований. Любопытно также, что В.П. Обнинский, выступая в калужском дворянском собрании 9 января 1905 г., отметил, что в указе 12 декабря 1904 г. ни слова не говорилось о первенствующем сословии, и призвал собравшихся не молчать. (Там же. Л.6). Был ли это тактический ход, чтобы подтолкнуть принятие адреса? Адрес несогласных за подписью 30 дворян, в числе которых были три уездных предводителя, также был подан 11 января 1905 г. В нём выражалась готовность верно служить царю — и всё.

твоего народа»⁴². Встречалась и прямая поддержка Николая II. Так, рязанское дворянство обещало «с особым рвением» служить императору⁴³. Аналогичное желание выразил козельский уездный предводитель и 30 дворян⁴⁴. Стерлитамакский уездный предводитель (Уфимская губерния) обещал Николаю II, что мусульмане вместе с русскими не допустят «вредные идеи крамольников, которым не удастся здесь посеять смуты»⁴⁵. Несмотря на то, что именно такие телеграммы вызывали признательность царя (на стерлитамакской он оставил резолюцию: «искренне благодарю»), их было немного.

Обсуждение и принятие адресов или телеграмм на высочайшее имя сопровождалось, как правило, расколом в дворянстве. Во многих случаях объявлялось меньшинство, отказывавшееся настаивать на призыве выборных. Так, казанский губернский предводитель Н. Д. Сазонов предложил проект, где говорилось только о готовности служить и ничего — о выборных⁴⁶. Характерный пример — московское дворянское собрание, расколовшееся даже на три группы. Несогласные с большинством придерживались славянофильских взглядов: утверждение необходимости единения царя и «земли» сопровождалось выпадами в адрес бюрократии и ожидания «голоса с престола» о том, что царь желает слышать мнение народа⁴⁷.

Следующим импульсом, толкавшим первенствующее сословие в политическую жизнь, стал рескрипт 18 февраля 1905 г. Он показал, что дальнейшая политизация сословия неизбежна и что предводители не могут оставаться в стороне от неё. Однако кроме предводителей

---

⁴² Телеграмма казанского дворянства (губернского и уездных предводителей) Николаю II 12 января 1905 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.7–9.

⁴³ Телеграмма рязанского дворянства Николаю II 12 января 1905 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.119.

⁴⁴ Их телеграмма Николаю II 11 января 1905 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.3–6.

⁴⁵ Телеграмма Николаю II стерлитамакского уездного предводителя дворянства Али Султанова 22 февраля 1905 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.79–80.

⁴⁶ Копия проекта телеграммы, предложенной казанским губернским предводителем дворянства Сазоновым, которая не получила большинства голосов 12 января 1905 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.19.

⁴⁷ Особое мнение дворян, голосовавших против адреса на высочайшее имя 22 января 1905 г. // ОР РГБ. Ф.305. К.6. №47. Л.3–3 об. За адрес было подано 219 голосов, против — 147.

активизировались и другие дворяне. Новый поток дворянских обращений отражал политическую дифференциацию сословия. Они носили самый разный характер. Большинство поддержало рескрипт и обещанный призыв выборных. Например, исполнявший должность казанского губернского предводителя А. Боратынский благодарил царя за рескрипт, правда, понимая его как обещание призвать «свободно избранных людей земли русской» для участия в «разрешении законодательных вопросов»⁴⁸. Но сразу заявило о себе и меньшинство, не допускавшее серьёзных изменений в политическом строе. Так, записка 16 дворянских деятелей настаивала, что власти следует самой назначить сведущих людей, которые должны войти в будущее собрание, и никаких выборов и представительства⁴⁹.

Аналогичных взглядов придерживалась и самодержавие. При подготовке текста рескрипта Э. Ю. Нольде получил от А. Г. Булыгина указания, суть которых сводилась к тому, что рескрипт должен быть, в том числе, и ответом на адреса дворянских собраний по поводу рождения наследника престола, то есть содержать обещание привлечь дворянство к делам внутреннего переустройства России⁵⁰. Применительно к дворянству это означало, что на повестку дня встал вопрос о формировании его органа наподобие партии, которая выражала бы политическую позицию сословия. Во всяком случае, аналогичные сюжеты обсуждались в многочисленных кружках Петербурга и Москвы, заметно активизировавшихся весной 1905 г.⁵¹

---

⁴⁸ Телеграмма А. Боратынского Николаю II 12 марта 1905 г. // РГИА. Ф.1283. Оп.1.1 делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.98.

⁴⁹ Записка 16 дворянских деятелей в связи с рескриптом 18 февраля 1905 г. // РГИА. Ф.1282. Оп.1. Д.1059. Л.33–34.

⁵⁰ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. СПб., 1991. С.90–91.

⁵¹ Ю. Б. Соловьёв сообщил, что вскоре после опубликования рескрипта 18 февраля в Петербурге собрались наиболее «надёжные» из губернских предводителей дворянства (тульского — Ю. В. Арсеньев, тверского — С. Ф. Головин, симбирского — В. Н. Поливанов, самарского — А. А. Чемодуров, курского — В. Ф. Доррер, Екатеринославского — М. И. Миклашевский) и некоторые уездные предводители, чтобы задать министру внутренних дел вопрос о намерениях правительства относительно участия дворянства в булыгинском совещании. Они получили от А. Г. Булыгина разъяснение, «что никакого особого совещания фактически не существует, так как в состав его до сих пор ещё никто не назначен», а сам А. Г. Булыгин пока намерен заняться сбором материалов при содействии профессора — специалиста (Сольвьёв Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С.147–148). Казалось бы, такое «разъяснение» — повод для

Не удивительно, что к очередной «встрече» дворянских лидеров П. Н. Трубецкой, председательствовавший на ней, оказался хорошо подготовлен. На «встрече», состоявшейся 10–15 марта 1905 г., присутствовал 21 губернский предводитель и один уездный — Н. А. Хомяков (будущий председатель III Думы). Н. А. Хомяков был приглашён, по-видимому, как автор записки, ставшей главным предметом обсуждения. Автор ставил целью «возрождение нашего отечества на основе самодержавия при народном представительстве» с правом законодательной инициативы, запроса министрам и рассмотрения государственной росписи. Такое представительство, по мнению Н. А. Хомякова, никак не ограничивало самодержавие⁵². П. Н. Трубецкой выразил, по-видимому, господствующий взгляд, предположив, что дворянству следует занять «третий путь» — между ультраконсерваторами, не сочувствовавшими рескрипту 18 февраля, и конституционалистами, желавшими создать в России парламентское государство европейского типа. Третий путь в его представлении был путь рескрипта 18 февраля — «за сохранение самодержавия при участии выборных от земли людей в государственной работе». П. Н. Трубецкой сформулировал и ещё одну задачу: «Авторитетный голос губернских предводителей несомненно привлечёт к себе разрозненные силы благомыслящих людей и их мнение станет, таким образом, центром, вокруг которого сгруппируются сторонники законности и порядка»⁵³. В ходе прений выяснилось, что московский губернский предводитель хотел бы объединить дворянство вокруг записки Н. А. Хомякова, которую после незначительной редакторской правки собравшиеся решили разослать для обсуждения во все дворянские общества империи. Кроме идейной стороны, дворянские лидеры также озаботились способами воздействия на власть, в частности, участием дворянских представителей в работе комиссии А. Г. Булыгина, что, кажется, они считали весьма важным⁵⁴.

тревоги, но собравшиеся как будто не проявили дальнейшей инициативы и желания поучаствовать в булыгинском совещании.

⁵² Записка Н. А. Хомякова // См. настоящее издание. С.

⁵³ Запись беседы гг. губернских предводителей дворянства 11 марта 1905 г. // См. настоящее издание. С.

⁵⁴ Уже 18 марта в «Новом времени» появилась заметка о «беседе» губернских предводителей, в которой утверждалось, что именно из её участников и надлежит формировать состав булыгинской комиссии, наряду с представителями от земства, городов,

Здесь предводителей ждала неудача. 12 марта 1905 г. министр внутренних дел А. Г. Булыгин обратился со всеподданнейшим докладом к Николаю II, в котором отверг все предложенные Совету министров планы создания представительства и просил передать разработку проекта в ведение МВД. Несмотря на то, что доклад был утвержден Николаем II 16 марта, уже 12 марта в глубокой тайне состоялось первое заседание особого предварительного совещания, созданного согласно рескрипту 18 февраля, в странном составе: А. Г. Булыгин, С. Е. Крыжановский, Д. Ф. Трепов, А. И. Путилов, И. А. Ивановский (последний, по-видимому, в качестве эксперта как профессор государственного права). «Представителем» общества оказался Ф. Д. Самарин, занимавший весьма крайние позиции и выступавший вообще против учреждения любого института из депутатов.

Возвращаясь к мартовской «встрече», её участники составили специальную записку об избирательной системе. Отвергая демократические принципы (всеобщие, равные, прямые и тайные выборы), предводители не приняли и сословную систему, прежде всего, из-за размытости сословных границ. Они обратились к положению о выборах по земскому положению 1864 г. с некоторыми изменениями (расширение круга избирателей за счёт специальной курии с цензом дохода и осёдлости, пропорциональное голосование на губернском избирательном съезде)⁵⁵.

Решив разослать по дворянским обществам подготовленные документы, предводители разъехались осмыслить и обсудить их. П. Н. Трубецкой торопился: он полагал, что вскоре начнутся заседания булыгинской комиссии и кто-нибудь из предводителей мог бы войти в её состав. Кроме того, на 22 апреля был намечен очередной земский съезд и московский предводитель хотел опередить его, чтобы парализовать возможное влияние земцев на булыгинскую комиссию⁵⁶. Его спешка не означала противодействия, а тем более противостояния земцам. Наоборот, П. Н. Трубецкой находился с ними в контакте и, похоже, что их позиции расходились не слишком далеко.

биржевых комитетов и других общественных деятелей. Заметка была без подписи (Представительство русского дворянства // Новое время. 1905. 18 марта. № 10429).

⁵⁵ Мнение губернских предводителей дворянства по поводу выборной системы // См. настоящее издание. С.

⁵⁶ П. Н. Трубецкой — В. В. Гудовичу 5 апреля 1905 г. // См. настоящее издание С. ... Всё-таки они не успели — земский съезд прошёл 22–26 апреля 1905 г.

Так, Д. Н. Шипову и Н. А. Хомякову удалось уговорить московского предводителя согласиться включить его фамилию в число участников земской встречи 22 апреля (вероятно, в преддверии земского съезда 22–26 апреля), несмотря на то, что он долго колебался и своё мнение телеграфировал. «Первая телеграмма говорила “с одной стороны, нельзя не признаться”, а другая — “нельзя не сознаться”». Надо признать, что московский предводитель стремился действовать в унисон с умеренными либералами, одновременно маскируя свои симпатии и контакты. Показательно, что в этих переговорах участвовал и В. В. Гудович, поддерживавший земцев⁵⁷.

Граф Василий Васильевич Гудович — фигура менее заметная, чем П. Н. Трубецкой, но он также оказал существенное влияние на политическую физиономию дворянских «встреч» 1905 г. Окончив Николаевское кавалерийское училище, он после недолгой службы вышел в отставку в 1900 г., после чего вплотную занялся делами сословия, став в 1902 г. уездным, а с 27 ноября 1903 г. — петербургским губернским предводителем дворянства⁵⁸. В. В. Гудович придерживался едва ли не более либеральных взглядов, чем его московский коллега. К такому выводу подталкивает его дальнейшая политическая судьба: в конце 1905 г. граф стоял у истоков партии октябристов, вошёл в её руководство. Это означает, что с самого начала революции руководители встреч губернских предводителей стремились сблизиться не с защитниками неприкосновенности самодержавия, а с умеренными либералами. Это немедленно отразилось на ходе дискуссий среди предводителей и на принимаемых ими документах.

Возвращаясь к предводительским «встречам», следующая из них началась позднее земского съезда: она состоялась 24–28 апреля 1905 г. Её участники представили соображения дворянских обществ о записке Н. А. Хомякова (ставшей «запиской 22-х») и о принципах избирательной системы, часть из которых публикуется в настоящей книге. Единства мнений не получилось. К этому времени обсуждение «записки 22-х» состоялось лишь в 19 из 49 губерний. Сочувственное к ней отношение заявили 15 обществ и лишь 4 — отрицательное. Появились и печатные отзывы — например, мнение 23 дворян с первой подписью Ф. Д. Самарина

⁵⁷ Д. Н. Шипов — О. П. Герасимову 15 апреля 1905 г. // РГИА. Ф.1597. Оп.1. Д.172. Л.1 об. — 2.

⁵⁸ Анкетные сведения и формулярный список В. В. Гудовича // ЦГИА СПб. Ф.536. Оп.17. Д.18. Л.8–9, 23–29.

(что выдаёт его как автора), уличающая Н. А. Хомякова и сторонников его текста в конституционализме. Несмотря на поддержку идеи объединиться вокруг рескрипта 18 февраля, Ф. Д. Самарин подчеркнул, что в рескрипте не было ни звука о введении в России «представительных учреждений», тем более — законодательной инициативы депутатов или права запросов к министрам⁵⁹. Обсуждение продолжили на «встрече», предводителям представили печатное мнение А. И. Зыбина, в котором, несмотря на констатацию некоторого противоречия «записки 22-х» (одновременно провозглашалось самодержавие и защищались свойства «конституционной организации»), общее заключение было положительным⁶⁰. Состоявшаяся дискуссия никак не повлияла на расхождения во взглядах. В итоге большинство участников всё-таки поддержало записку (26 человек). Но 12 вообще не высказали своего отношения, четверо представили коллективное особое мнение, трое выступили против, двое предложили поправки, получился 21 голос «не за»⁶¹. По-видимому, результаты голосования отразили действительно существовавший в дворянской среде раскол по вопросу государственных преобразований, пока революция ещё развивалась, а крестьянское движение не набрало оборотов (весна, посевная, не до революции).

Решения съезда вызвали неоднозначный отклик в дворянской среде, особенно среди политически активной её части, занимавшей зачастую охранительные позиции. Например, 4 мая 1905 г. к московскому дворянству обратился князь А. Б. Щербатов. В его письме приводились многие типичные для сторонников самодержавия аргументы. Приветствуя обращение царя к народу, А. Б. Щербатов одновременно заявлял, что ни указ 12 декабря 1904 г., ни рескрипт А. Г. Булыгину 18 февраля 1905 г. не обещали народного представительства. Князь рассматривал его как часть иного государственного уклада, отличного от российского самодержавия. Поэтому любое привлечение населения к обсуждению важных вопросов, по его мнению, должно было строиться на сословном начале⁶². Надо признать, что подобные предложения, исходившие от наиболее правой части дворянства,

---

⁵⁹ Отзыв на записку гг. губернских предводителей дворянства. М., б/г (дозволено цензурой 11 апреля 1905 г.). 7 с.

⁶⁰ См. настоящее издание. С....

⁶¹ [Записка с итогами бесед губернских предводителей в марте и апреле 1905 г.] // См. настоящее издание. С....

⁶² Архив СПбИИ РАН. Ф.121. Оп.1. Д.24. Л.9–12.

выглядели ещё менее убедительными, чем те, с которыми они полемизировали. В частности, явным анахронизмом выглядела защита словесного строя, переставшим быть социальной реальностью.

В связи с дискуссией в рядах первенствующего сословия возникает вопрос — насколько мнения и суждения предводителей отражали позицию дворянства в целом? Съезды неоспоримо продемонстрировали отсутствие единства в рядах лидеров, а, значит, и среди сословия. Нет сомнения, что предводители учитывали решения дворянских собраний на местах, не всегда, кстати, однозначных. Также несомненно и то, что в выступлениях и решениях предводителей отражалась и их собственная позиция. В целом, её можно резюмировать так: в 1905 г., пока революция шла по восходящей, а массовые «иллюминации» в дворянских имениях ещё не наступили, значительная, а, возможно, большая часть дворянского сословия в России была склонна поддерживать умеренно-либеральную позицию. Они разделяли требование политических реформ, включая учреждение законосовещательного народного представительства, при сохранении самодержавия. Позиция первенствующего сословия изменилась в конце 1905 г., особенно после манифеста 17 октября, что, кстати, отразилось как на формате, так и на решениях собраний дворянских представителей.

Политизация дворянства в 1905 г. шла в рамках сословия. Власть совершенно не вмешивалась в процесс, то ли потому, что доверяла главной опоре трона, то ли потому, что ей было не до этого в условиях разгоравшейся революции. Местная администрация пыталась использовать дворянство в качестве противовеса радикалам. Так, например, вёл себя новгородский губернатор О. Л. Медем. В свою очередь новгородский губернский предводитель П. П. Голицын, созвавший в апреле 1905 г. совещание для обсуждения планов участия выборных людей в обсуждении законопроектов («записки 22-х»), сразу ограничивал рамки возможных предположений защитой самодержавия и совещательными полномочиями собрания депутатов, а одной из целей своего совещания он рассматривал противовес партиям «иных направлений». Местная власть в изменившейся атмосфере рассматривала совещание по привлечению выборных уже как оплот существующего строя. О. Л. Медем видел в нём «наилучшие силы для борьбы с противником» — земскими деятелями⁶³.

---

⁶³ О. Л. Медем — А. Г. Булыгину 16 апреля 1905 г. и копия постановления «новгородского кружка» 7 апреля 1905 г. // ГАРФ. Ф.102. ОО. 1905 г. Д.999. Ч.61. Л.1–3.

П. Н. Трубецкой пытался созвать следующую встречу предводителей экстренно, уже в 20-х числах мая 1905 г., пользуясь приездом в Москву нескольких предводителей. Предполагалось, что они либо смогут вызвать других, либо по телеграфу получить полномочия «для возбуждения нужного ходатайства»⁶⁴. Но она не состоялась. Чем была вызвана экстренность? Цусимой! Угроза поражения, вплотную нависшая над Россией, вызвала не только бурю эмоций, но и вал предложений и решений. Курский губернский предводитель В. Ф. Доррер умолял Николая II продолжать войну «до заключения почётного и достойного мира» — это позиция, характерная для правых⁶⁵. П. Н. Трубецкой опасался наступления японской армии на суше и разгрома русских сил не только на море. Показательно, что обсуждал он эти вопросы с Д. Н. Шиповым — признанным земским лидером. А. И. Зыбин, автор записки о выборной системе, составил её к 20-м числам мая, но не успел напечатать, тем не менее, послал свой текст Д. Н. Шипову⁶⁶. Таким образом, лидер всероссийского земства фактически являлся негласным участником встреч предводителей, поэтому мы можем говорить о значительной консолидации усилий земских либералов и дворянской верхушки в давлении на правительство и царя в пользу политических реформ. Весной 1905 г. это совместное давление было уже очевидным.

Следствием «дворянской тревоги» стала «беседа» 26 губернских предводителей, состоявшаяся в Петербурге 12–17 июня 1905 г. Констатируя рост революции («Россия в преддверии анархии, осталась только тень правительства»), особенно аграрного движения, лидеры дворянства собрались для того, чтобы принять обращение к царю. Их идейные вдохновители П. Н. Трубецкой и М. А. Стахович, провозглашая сохранение самодержавия, одновременно намеревались сказать царю: «слушайте ваших предводителей дворянства, <...> собирайте представителей, назначьте срок для этого»⁶⁷. Такую позицию приняли не все участники «беседы», но проект графа В. Ф. Доррера, предлагавшего вообще не говорить самодержцу о необходимости созвать на-

⁶⁴ П. Н. Трубецкой — Д. Н. Шипову 20 мая 1905 г. // ОР РГБ. Ф.440. К.6. № 43. Л.1.

⁶⁵ Телеграмма В. Ф. Доррера Николаю II, б/д // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905. Д.19а. Л.135.

⁶⁶ А. И. Зыбин — Д. Н. Шипову 17 мая 1905 г. // ОР РГБ. Ф.440. К.5. № 66. Л.2–3.

⁶⁷ Запись беседы гг. губернских предводителей дворянства, съехавшихся в Петербурге, 13 июня 1905 г. // См. настоящее издание. С.

родных представителей, а только обрисовать всю тяжесть положения, не получив поддержки большинства. 17 июня 1905 г. 14 предводителей во главе с графом В. В. Гудовичем приняли окончательный текст записки для Николая II⁶⁸. Первоначальный план состоял в том, чтобы делегировать на встречу с царём 7 человек. Время аудиенции было назначено на 14.30 18 июня⁶⁹. Однако в последний момент намерения предводителей поменялись: они поручили представить краткую записку для самодержца только В. В. Гудовичу и П. Н. Трубецкому⁷⁰. 18 июня они получили высочайшую аудиенцию в Петергофе, где и сообщили царю мнение части губернских предводителей дворянства⁷¹. К этому времени власть уже определилась с формой и содержанием будущего совещательного представительства. Комиссия А. Г. Бульгина закончила свою работу, её проект учреждения Государственной думы обсуждался в Совете министров.

О влиянии позиции дворянских предводителей нельзя говорить, не учитывая позицию либеральной общественности. 6 июня Николай II пообещал депутации земско-городского съезда: «Пусть установится, как было встарь, единение между царём и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам». Эту речь предводители поняли «как всенародное провозглашение союза царя и земли». Вообще обстановка этой аудиенции очень интересна. П. А. Гейден, участник встречи, рассказал: «Вышел государь, сделал общий поклон и стал в двух шагах от Трубецкого и меня, стоявшего с ним рядом. Трубецкой начал свою речь, но не в тоне речи, а разговора. Тон его был очень простой и сердечный. Он всё жестикулировал руками, и к концу речи стал даже передвигаться перед государем с места на место. Вначале государь имел натянутый вид человека, находящегося в очень нервном состоянии. Но мало-помалу это проходило. Во многих местах речи он подтверждал своё согласие киванием головы и какими-то

---

⁶⁸ Всеподданнейшая записка 26 губернских предводителей дворянства // Архив СПбИИ РАН. Ф.121. Оп.1. Д.21. Л.5–6.

⁶⁹ Всеподданнейший доклад А. Г. Бульгина 15 июня 1905 г. с резолюцией Николая II (копия) // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.155.

⁷⁰ В. В. Гудович — А. Г. Бульгину, б/д // РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.156.

⁷¹ Записка о мнении участников «беседы» // Архив СПбИИ РАН. Ф.121. Оп.1. Д.131. № 24. Л.1–4.

одобрительными звуками»⁷². Но ещё интереснее — запись ответных слов Николая II, сделанная П. А. Гейденом. Царь сказал: «Я рад был выслушать вас. Не сомневаюсь, что вами, господа, руководило чувство горячей любви к родине в том, вы обратились непосредственно ко мне. Я вместе с вами и со всем народом моим всею душою скорбел и скорблю о тех бедствиях, которые принесла России война и которые необходимо ещё предвидеть и о всех внутренних наших неурядицах. Отбросьте ваши сомнения. Моя воля — воля царская — **создать народных представителей** — непреклонна, и привлечение выборных людей к работе государственной будет выполнено правильно. Я каждый день слежу и стою за этим делом. Вы можете об этом передать всем вашим близким, живущим как на земле, так и в городах. Я твёрдо верю, что Россия выйдет обновлённой из постигшего её испытания. Пусть установится как было встарь единение между царём и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам. **С сегодняшнего дня**, я надеюсь, вы будете содействовать мне в этой работе»⁷³.

Если первый случай пропущенной фразы уже давно и хорошо известен, то второй — нет. Между тем, он отражает и неуверенность, растерянность царя, а также то, что он, очевидно, вывел из выступления С. Н. Трубецкого предел требований либералов, который, кажется, показался ему приемлемым.

Мнение дворянских лидеров, не игравшее решающей роли в подготовке учреждения Думы, несомненно, имело значение для самодержца, который, даже приняв решение, продолжал колебаться. Монарх опасался создания любого народного представительства, но среди руководителей «первенствующего сословия» такую точку зрения разделяло лишь меньшинство (В. Ф. Доррер и др.). Но даже и в их среде не наблюдалось единства. А. А. Чемодуров, самарский губернский предводитель, 15 июня, во время встречи своих коллег в Москве, направил Николаю II телеграмму, уверяя самодержца, что раз он решил призвать достойнейших, то самарское дворянство изберёт из своей среды таковых⁷⁴. Суть телеграммы была коварной. С одной стороны, сам

⁷² П. А. Гейден — Соне Гейден 7 июня 1905 г. // ОР ИРЛИ. Ф.134. Оп.6. № 1. Л.22.

⁷³ Запись П. А. Гейденом выступления Николая II перед земско-городской депутацией 6 июня 1905 г. // ОР ИРЛИ. Ф.134. Оп.6. № 1. Л.26–26 об. Выделенные жирным шрифтом слова царя были опущены в официальной публикации.

⁷⁴ РГИА. Ф.1283. Оп.1. I делопроизводство. 1905 г. Д.19а. Л.145–147.